

1872 г.

СРЕДНЯ И ВЫСШЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ АНГЛІИ ¹⁾.

I.

Нигдѣ общественное мнѣніе и пресса не отстаиваютъ такъ энергично реформы воспитанія, какъ въ Англіи, и нигдѣ оно не поддерживается такъ упорно въ своемъ допотопномъ состояніи, какъ тамъ. О вопіющихъ нецѣлостяхъ этого стараго, престараго института идутъ самыя жаркіе дебаты, подаются проекты для преобразования его, на эту тему пишутся многіе романы, воспоминанія и т. п. и все-таки среднее и высшее образованіе Англіи остается въ полной силѣ своего феодальнаго устройства. Такое явленіе объясняется тѣмъ, что корни этого института глубоко лежатъ въ самомъ общественномъ строѣ Англіи и переплетаются съ ея главными историческими учрежденіями. Если господствующая церковь, аристократія и политическій духъ постоянно вліяли на англійскую школу, то она, въ свою очередь, поддерживала и укрѣпляла ихъ...

Среднія учебныя заведенія Англіи основываются и содержатся не государствомъ, а частными лицами и корпораціями, — университетами, различными церквами, политическими партіями, промышленными компаніями и т. д. Большая часть этихъ школъ существуетъ уже цѣлыя столѣтія и до сихъ поръ сохраняютъ

¹⁾ L'Instruction publique en Angleterre, par C. Hippéau. Paris 1872.

L'Instruction publique en Angleterre et la ligue de l'éducation nationale, par A. Esquiros (Revue des Deux Mondes, 1872, 15 juin).

Очерки Англіи, Ипп. Тэна. Спб. 1872.

свой средневековой характер. Онъ устроены совершенно въ духъ англиканской церкви или какой-нибудь секты и находятся въ рукахъ духовенства. Университеты, аристократія, духовенство ревниво заботятся, чтобы господствующую въ этихъ школахъ систему образованія сохранить во всей ея традиціонной чистотѣ. Эти англиканскія школы имѣютъ свои земли, свои значительные доходы и свои статуты, по которымъ онѣ управляются совершенно независимо отъ правительства посредствомъ своихъ совѣтовъ, состоящихъ изъ заслуженныхъ профессоровъ, принадлежащихъ большею частію къ духовенству, и почетныхъ лицъ изъ аристократіи. Воспитанниковъ въ этихъ школахъ не особенно много; въ Итонѣ 800, Гарроу 520, Регби 495, въ другихъ отъ 150 до 20; школа св. Павла, основанная Колетомъ, другомъ Эразма, по завѣщанію основателя, не должна заключать въ себѣ больше 153 воспитанниковъ, въ воспоминаніе о 153 рыбахъ, чудесно пойманныхъ апостолами, почему и самые воспитанники этой школы называются *рыбами*! Какъ всѣ англійскія учрежденія, такъ и эти школы ведутся на широкую ногу и среднее образованіе въ Англіи, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ дороже, чѣмъ во Франціи. Учителя получаютъ въ годъ до 11,000 рублей; директоръ итонской школы до 28,000, а директоръ гарроуской до 40,000 рублей. Впрочемъ, эти доходы взимаются, главнымъ образомъ, съ воспитанниковъ; собственно жалованье директоровъ и учителей весьма незначительно, отъ 300 до 2,500 р. въ годъ. Но эти заведенія существуютъ исключительно для людей богатыхъ, которые и оплачиваютъ трудъ преподавателей. Бѣднякамъ закрытъ всякій доступъ въ эти привилегированныя школы и среднее образованіе въ Англіи является такимъ образомъ роскошью, доступною лишь немногимъ. Въ Итонѣ и Гарроу каждый воспитанникъ стоитъ въ годъ своимъ родителямъ минимумъ 1,200 рублей. Дѣло въ томъ, что въ этихъ школахъ все пансіонеры, а англійскій пансіонъ не имѣетъ ничего похожего на пансіонъ континентальный. Каждый профессоръ содержитъ у себя 10, 20, 30 пансіонеровъ, которые живутъ въ его семействѣ. Такимъ образомъ, ребенокъ въ школѣ живетъ совершенно также, какъ у себя дома. Школа ходитъ не на казарму, а скорѣе на дачу, а учебныя занятія, отнимая у ребенка не болѣе 6 или 7 часовъ, нисколько не мѣшаютъ ему забавляться,

рѣзвиться, играть. Школа чаще всего помѣщается въ маленькомъ городѣ, за городомъ и во всякомъ случаѣ среди хорошей окрестности. „Въ Итонѣ, говоритъ Тэнъ,—вокругъ стараго центрального двора, я видѣлъ розы, плющъ, жимолость, вьющуюся вдоль зданій; далѣе разстилаются богатые пастбища, надъ которыми громадные вязы простираютъ свои вѣковыя вѣтви; рядомъ съ ними сверкаютъ изумрудныя волны рѣки, гдѣ плаваютъ лебеди; на островахъ пасутся стада; еще далѣе, теченіе заворачивается и теряется на горизонтѣ между зеленью. Въ Гарроу ландшафтъ менѣе граціозенъ, но нѣтъ недостатка въ зелени и свѣжемъ воздухѣ. Маленькіе воспитанники въ черныхъ курткахъ, въ маленькихъ соломенныхъ шляпахъ, попадались мнѣ не только въ городѣ, но и внѣ города, вдоль изгородей, по берегамъ прудовъ; ихъ запачканныя грязью сапоги свидѣтельствуютъ о томъ, что они находятся постоянно на большихъ дорогахъ и сырыхъ поляхъ... Они слѣдуютъ своему влеченію и бродятъ, гдѣ хотятъ. Ихъ можно встрѣтить на улицѣ, у кондитера, у колбасника; они гуляютъ по деревнямъ, удятъ рыбу, бѣгаютъ на конькахъ, ищутъ птичьи гнѣзда. Они полные хозяева своего времени и своихъ денегъ, устраиваютъ другъ для друга угощенія, покупаютъ украшенія для своихъ комнатъ. Если они надѣлаютъ долговъ, то маленькое имущество ихъ продается съ аукціона.“ Эта свободная жизнь лучшая сторона англійской школы, въ которой дѣти вырастаютъ въ живыхъ, энергическихъ, здоровыхъ, самостоятельныхъ и знакомыхъ съ жизнью молодцевъ. Физическое развитіе стоитъ въ англійской школѣ на первомъ планѣ и заботы о немъ доведены до такой крайности, что за нимъ забывается умственное развитіе. Англійская школа въ этомъ отношеніи служитъ близкимъ подобіемъ воспитанія юношества въ древней Спартѣ. Атлетическія упражненія, игры въ мячъ, въ шары, особенно въ крикетъ, гонка лодокъ занимаютъ значительную часть дня, а два или три въ недѣлю классы оканчиваются въ двѣнадцать часовъ и вплоть до вечера идутъ тѣлесныя упражненія, которымъ воспитанники предаются съ энтузіазмомъ. Школы соперничаютъ одна съ другой не своими умственными успѣхами, а своимъ искусствомъ игры въ крикетъ, гонки лодокъ и т. д. „Лучшіе искусники по этой части болѣе важныя лица въ школѣ, чѣмъ первый ученикъ въ классѣ.“ Почти всѣ игры влекутъ за собой

ушибы; оставаться нечувствительнымъ къ нимъ считается честью. Ребенокъ становится воинственнымъ, драчуномъ. „Драться на кулакахъ, говоритъ авторъ Тома Броуна, — составляетъ вполне естественный и чисто англійскій способъ разрѣшенія ссоръ для нашихъ дѣтей.“ Этотъ видъ поединка имѣетъ свои особенныя правила, мѣсто, отведенное для него, свою публику и секундантовъ. Каждый изъ бойцовъ имѣетъ двухъ помощниковъ, которые освѣжаютъ его лицо мокрой губкой и подставляютъ ему колѣно, чтобы онъ могъ отдохнуть между двумя нападеніями; стычки эти возобновляются и продолжаются иногда цѣлыя полчаса. По существующему правилу, надо продолжать, пока еще есть возможность видѣть ясно и держаться на ногахъ; по окончаніи драки оказываются подбитые глаза и щеки въ синякахъ, иногда вывихнутый палецъ или разсѣченная губа“ (Тэнъ). Такимъ образомъ, искусство „просвѣщенныхъ мореплавателей,“ возбуждающее такое благоговѣніе въ Расплюевѣ, составляетъ главный элементъ ихъ воспитанія. Физическія силы баричей развиваются до избытка и этотъ избытокъ ищетъ себѣ выхода въ дракахъ по всемъ правиламъ науки, въ охотѣ, въ гребной гонкѣ, въ безцѣльномъ лазаньи на Монбланъ, а не въ производительномъ трудѣ, занимать которымъ они не имѣютъ никакой надобности.

Выносливость физической боли составляетъ репутацію порядочнаго мальчика и это доходитъ до того, что воспитанники не чувствуютъ никакого отвращенія даже къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Когда однажды въ Чертергоузѣ хотѣли замѣнить его штрафомъ, то воспитанники взбунтовались при громкихъ крикахъ: „долой штрафъ, да здравствуетъ плеть!“ Розги до сихъ поръ въ полномъ ходу и наказываетъ ими непремѣнно самъ начальникъ заведенія собственноручно. Въ этомъ отношеніи англійскія школы похожи на наши старинныя бурсы. Впрочемъ, и не въ одномъ этомъ, а въ очень многомъ они похожи на бурсы. Какъ въ послѣднихъ, такъ и въ англійскихъ заведеніяхъ школьная полиція составляется не изъ взрослыхъ надзирателей, а изъ самихъ-же воспитанниковъ. Эти старшіе (monitors) наблюдаютъ за порядкомъ, доносятъ начальству и даже сами налагаютъ взысканія на своихъ подчиненныхъ, которыхъ они имѣютъ право бить и сѣчь. Для этой цѣли въ нѣкоторыхъ школахъ они вооружены палками и пускаютъ ихъ въ дѣло, когда имъ заблагоразсудится.

Кромѣ этой власти, которую одни воспитанники имѣютъ надъ другими, физическая сила играетъ вообще главную роль во внутренней жизни англійской школы. Въ нее нѣтъ доступа бѣдняку и бѣдный мальчикъ, случайно попавшій въ нее стипендіатомъ, подвергается всевозможнымъ униженіямъ со стороны своихъ товарищей; его давитъ масса богатыхъ юношей; точно также масса взрослыхъ и поэтому болѣе сильныхъ воспитанниковъ самымъ возмутительнымъ образомъ эксплуатируетъ младшихъ. Это уже не невинная дѣтская борьба на кулакахъ, а систематическое угнетеніе слабѣйшаго. Обязанность служить старшимъ воспитанникамъ, *fagging*, лежитъ на всѣхъ младшихъ. Каждый старшій ученикъ называется *господиномъ*, *master*, и имѣетъ нѣсколькихъ маленькихъ *лакеевъ*, *fag*, изъ младшихъ воспитанниковъ, которые обязаны исполнять всѣ его приказанія, мести его комнату, чистить подсвѣчники, готовить закуску, бѣгать за его шарами во время игры и подавать ихъ ему и т. д. „Достовѣрный фактъ, говоритъ одинъ очевидецъ, — что съ 1 января по 31 января вновь поступившій воспитанникъ не располагаетъ ни одной минутой, которая была-бы обезпечена отъ перерывовъ. Въ половинѣ четвертаго утра двое изъ младшихъ, назначаемыхъ поочередно, встаютъ, чтобы развести огонь, вскипятить воду и разбудить тѣхъ старшихъ, которые дали на то приказаніе. Часто разбуженный въ четыре часа встаетъ не ранѣе половины осьмого; въ такомъ случаѣ необходимо будить его каждые полчаса. Обязанность эта выпадаетъ на долю каждого ребенка два или три раза въ недѣлю.“ Прибавьте къ этому еще всѣ труды и хлопоты втеченіи дня и вечера, и будетъ понятно, что такая неустанная каторжная работа этихъ несчастныхъ дѣтей можетъ поддерживаться только посредствомъ постоянного террора. „Пощечины, пинки—самая обыкновенная вещь и не считаются даже наказаніемъ. Къ первой категоріи настоящихъ наказаній причисляются систематическія пощечины: наказуемый долженъ опустить руки по швамъ и подставить свое лицо подъ цѣлую дюжину оплеухъ, задаваемыхъ справа и слѣва.“ Другое наказаніе: по ругѣ, положенной на столъ ладонью вверхъ, бьютъ остриемъ деревяннаго ножа до тѣхъ поръ, пока не произведутъ насѣчку; далѣе, подвергаютъ дѣтей палочнымъ ударамъ; бьютъ по икрамъ ребенка ракеткой, употребляемой при игрѣ въ мячъ, и расцара-

пывають его ноги въ кровь, и т. д. Такое издѣвательство надъ своими малолѣтними товарищами доходить подчасъ до каннибальскаго звѣрства. „Я слыхалъ, говоритъ авторъ Тома Броуна— о случаяхъ, когда дѣти были такъ тяжело ранены, что долго не могли принять участія въ играхъ и другихъ упражненіяхъ. Тома Броуна раскачали однажды на одѣлѣ и бросили вверхъ съ такой силой, что онъ ударился о потолокъ. Разъ, велѣдствіе отказа продать старшимъ свой лоттерейный билетъ, его схватили, положили вдоль пылающаго очага и буквально жарили его до такой степени, что онъ готовъ былъ лишиться чувствъ.“

Послѣдній фактъ дѣйствительно происходилъ въ одномъ заведеніи и описанъ романистомъ съ натуры. Развращаемые своимъ лакействомъ, первоклассники, перейдя въ слѣдующіе классы, развращаются снова точно такимъ-же деспотизмомъ надъ малолѣтними, гнетъ котораго они сами на себѣ испытали. Нѣтъ, конечно, нужды говорить о всей нечѣпости такихъ порядковъ, объ этомъ правѣ кулака, объ этихъ грубыхъ нравахъ, которые во многомъ стоятъ даже ниже нравовъ старинной русской бурсы. Правда, что это воспитаніе укрѣпляетъ характеръ и чувство самостоятельности, но сплошь и рядомъ оно вырабатываетъ только страстныхъ спортсменовъ, силачей, ѣздящихъ хвастаться своей силой даже въ Америку, да обжоръ и пьяницъ, которые не валиются по улицамъ потому только, что ихъ джентльменскій карманъ гарантируетъ ихъ отъ этого неудобства. Обжорство и пьянство—господствующіе пороки въ этихъ аристократическихъ школахъ.

Развитіе умственное, какъ мы уже говорили, стоитъ на второмъ планѣ и заключается въ такой-же гимнастикѣ ума и памяти, посредствомъ которой развивается и физическая сила. Последняя, какъ мы видѣли, развивается не для труда, въ которомъ джентльменъ не нуждается, а для забавы, для игры, для удовлетворенія своего самолюбія; точно также и умственная гимнастика имѣетъ свою цѣль такое развитіе, которое необходимо не столько для извѣстной практической дѣятельности, сколько для составленія репутаціи порядочнаго джентльмена, украшеннаго познаніями. Программа средняго образованія до сихъ поръ упорно сохраняетъ свой традиціонный средневѣковъй характеръ. Образованіе это состоитъ почти исключительно изъ доскональнаго изу-

ченія двухъ древнихъ языковъ и частію математики. Глубина премудрости состоитъ въ томъ, чтобы по гречески и по латыни хорошо говорить, свободно писать стихами и прозой, переводить Шекспира греческими ямбами въ стилъ Софокла, знать наизусть какъ можно больше цитатъ изъ древнихъ классиковъ и т. д. При этомъ самомъ скрупулезномъ изученіи классической древности, преподаватели и воспитанники почти вовсе незнакомы съ тѣми новѣйшими трудами по части исторической критики, которые пролили новыи свѣтъ на эту область знанія. Изученіе классицизма дѣло почти одной памяти, и тѣмъ-же самымъ способомъ изучается даже математика. Учебникомъ до сихъ поръ служить текстъ Эвклида, который заучивается наизусть, причемъ собственное разсужденіе воспитанника играетъ совершенно второстепенную роль. И лучшіе изъ англичанъ не придаютъ этому образованію никакого другого значенія, кромѣ подготовительнаго. „Выйдя оттуда, говорятъ они,—мы принуждены передѣлывать или, вѣрнѣе, начинать снова наше образованіе, пріобрѣтая самостоятельнымъ чтеніемъ все, что намъ необходимо знать изъ исторіи, философіи, политической экономіи, естественныхъ наукъ, искусства и литературы“. Даже знаній, слѣдующихъ по программѣ, воспитанники выносятъ очень мало. Около половины ихъ кончаютъ курсъ, дурно зная и древніе языки, и математику. Но для англичанина главная суть не въ этихъ знаніяхъ, а въ томъ нравственномъ и умственномъ дисциплинированіи, которому онъ подвергается въ школахъ. Отецъ Тома Броуна, отправляя послѣдняго въ школу, размышляетъ совершенно такъ, какъ большинство англичанъ: „Какой совѣтъ дамъ я ему? Посоветую-ли я ему быть прилежнымъ, скажу-ли, что его посылаютъ въ школу затѣмъ, чтобы онъ изучилъ греческій и латинскій языкъ? Нѣтъ, его въ школу посылаютъ не для этого. Я не даль-бы гроша за то, чтобы онъ выучился греческимъ частямъ рѣчи или диалектамъ, — и мать его также. Такъ затѣмъ-же его посылаютъ въ школу? Во-первыхъ, затѣмъ, что ему хочется туда идти. Пусть онъ сдѣлается честнымъ англичаниномъ, полезнымъ, услужливымъ, правдивымъ, джентльменомъ и христіаниномъ, — вотъ все, чего я желаю“. Англійская школа служитъ одною изъ главныхъ расадницъ и опоръ того консерватизма, той умѣренности, того джентльменства и того уваженія къ закону, кото-

рыми гордится и славится Англія. Въ этомъ отношеніи она какъ нельзя лучше достигаетъ своей цѣли. Религіозный элементъ играетъ главную роль въ воспитаніи. Воспитанники вообще очень религіозны и безъ всякаго принужденія ходятъ въ церковь, поютъ, читаютъ и прислуживаютъ тамъ. Ихъ наставники умѣютъ дѣлать изъ нихъ и людей набожныхъ, и горячихъ защитниковъ религіи въ общественной жизни. Далѣе, такъ какъ школа и общество въ Англіи имѣютъ совершенно одинъ и тотъ же характеръ, а воспитанникъ растетъ и развивается не въ изолированномъ искусственномъ мірѣ, а среди того-же общества, въ которомъ онъ будетъ жить и дѣйствовать, какъ самостоятельный членъ, и при этомъ образованіе не сообщаетъ ему никакихъ такихъ знаній, никакого такого направленія, которыя могли-бы развить въ немъ скептицизмъ, то онъ и вступаетъ въ жизнь уже совершенно подготовленнымъ къ ея обыденнымъ требованіямъ и консервативному характеру. Школа прививаетъ къ воспитанникамъ такое уваженіе къ закону и такую любовь къ порядку, какихъ нѣтъ ни въ какой другой школѣ. „Повиновеніе закону, говорятъ въ своемъ отчетѣ объ англійскихъ школахъ Деможо и Монтуччи, — совершенно въ природѣ молодого англичанина. Съ ранняго дѣтства онъ имѣетъ передъ своими глазами поклоненіе закону и, если можно такъ выразиться, суевѣріе относительно его. Пусть законъ будетъ суровымъ, даже нелѣпымъ, англичанинъ все-таки будетъ повиноваться и поклоняться ему. Французъ разсуждаетъ о законѣ, уже дѣйствующемъ, на основаніи какого-нибудь высшаго принципа. Англичанинъ-же разсуждаетъ о законѣ лишь тогда, когда онъ составляется; коль скоро онъ уже началъ дѣйствовать, англичанинъ слѣпо повинуется ему. Эти характеры, непреклонные передъ произволомъ и силою, безропотно склоняются передъ чернымъ жезломъ, представляющимъ абсолютнаго владыку Англіи, — законъ“. Но это уваженіе къ закону, этотъ консерватизмъ, прививаемые съ дѣтства, развиваются въ школьникахъ не до такой степени, чтобы подавлять ихъ личность. Напротивъ, ихъ учатъ повиноваться закону, какъ охранѣ и основѣ учрежденій страны, и въ то-же время всѣми мѣрами поощряютъ въ нихъ чувства личнаго достоинства и гражданской самостоятельности. Англичанинъ воспитывается, какъ дѣятельный охранитель учрежденій Англіи, а

не какъ пассивное лицо. Въ школахъ существуетъ уже нѣчто въ родѣ зародыша политическихъ клубовъ, такъ-называемыя debating societies, въ которыхъ старшіе воспитанники, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ директора, занимаются нравственными и политическими вопросами, говорятъ рѣчи, ведутъ споры, подаютъ голоса, составляютъ резолюціи и протоколы. Вотъ, напр., нѣкоторыя темы подобныхъ дебатовъ: „была-ли справедлива и политична крымская война“? „Удобны и полезны-ли реформа и расширеніе избирательнаго права“? „Оцѣнка дѣятельности нынѣшняго министерства“. Подобные-же вопросы разбираются и въ тѣхъ рукописныхъ журналахъ, которые нерѣдко издаются учениками. Вотъ какъ отзывается Тэнъ объ одномъ такомъ журналѣ, который онъ читалъ. „Цѣль издателей, по ихъ словамъ, состоитъ въ томъ, чтобы пробудить въ товарищахъ болѣе широкіе политическіе взгляды и заинтересовать ихъ дѣлами страны“. Они принадлежатъ къ консервативной оппозиціи, рассуждаютъ о союзѣ съ Франціей, о выборахъ, объ избирательномъ правѣ. Попадаются, конечно, общія мѣста и нѣкоторая напыщенность, но нѣтъ недостатка въ здоровомъ смыслѣ; такъ, напр., по поводу общей подачи голосовъ, которую они желали бы расширить, но только въ извѣстной степени, они дѣлаютъ призывъ къ личному опыту молодого читателя, который во время вакацій въ деревнѣ могъ убѣдиться, что крестьяне и проектируемый разрядъ мелкихъ торговцевъ довольно умны и образованны, чтобы правильно подавать голосъ; такимъ образомъ, аргументъ становится чисто практическимъ, берется прямо изъ фактовъ, а не изъ эффектныхъ теорій“. Читатель, конечно, понимаетъ, что это практическое направленіе, незнакомое съ тѣми „эффектными теоріями“, къ которымъ не благоволитъ Тэнъ, и служить политической задачей школы. Она должна развить гражданина, который умѣлъ-бы понимать и отстаивать учрежденія и принципы, столь дорогіе ему, какъ англичанину вообще и, въ особенности, какъ члену извѣстнаго класса... Развивая въ мальчикѣ джентльменское отвращеніе ко всему „неприличному“, shocking, ко всему, нарушающему традиціонныя нравы и обычаи, школа образуетъ изъ него самостоятельнаго человѣка. Онъ здѣсь старается, прежде всего, занять почетное мѣсто между своими товарищами; у него есть своя квартира, въ которой онъ при-

нимаешь, есть свое время, которымъ онъ располагаетъ совершенно свободно; онъ пріучается обдумывать каждый шагъ и быть готовымъ ко отвѣту за все свои дѣйствія; за долги его маленькое имущество продается съ аукціона; онъ знаетъ, что ему предоставлена почти полная свобода, но сопряженная съ неприятною отвѣтственностью за одни и съ наградою за другія дѣйствія. Какъ противовѣсь суровымъ наказаніямъ въ англійской школѣ существуетъ система чрезвычайно щедрыхъ наградъ, не только ласкающихъ самолюбіе, но и имѣющихъ реальную цѣнность. Въ Итонѣ, напр., ежегодно раздается двѣ преміи въ 62 рубля каждая за лучшее сочиненіе въ стихахъ; въ 32 руб. за лучшую рѣчь; въ Регби за лучшее латинское сочиненіе около 36 руб.; а за греческіе ямбы около 18 р. и т. д. Отличнымъ воспитанникамъ назначаются ежегодныя пенсіи отъ 180 до 630 руб. сер., которыя платятъ имъ въ продолженіи 5—6 лѣтъ съ условіемъ, чтобы они продолжали свое образованіе въ университетѣ.

Такимъ образомъ, школа вполне достигаетъ цѣли, предназначенной ей аристократическимъ обществомъ; она образуетъ браваго джентльмена въ консервативномъ духѣ. Но средневѣковой характеръ этихъ старинныхъ школъ уже не удовлетворяетъ болѣе прогрессивные слои народонаселенія. „Въ настоящее время, говоритъ Гиппо,—въ школьномъ дѣлѣ борются двѣ партіи. Одна поддерживаетъ традиціи прошедшаго, другая, болѣе чувствительная къ нуждамъ настоящаго времени, желаетъ реформъ и старается осуществить ихъ. Университеты, большія общественныя школы, древнія граматическія школы, почти все англиканское духовенство составляютъ первую партію; муниципальныя корпораціи, ассоціаціи негоціантовъ, фабрикантовъ, богатыхъ собственниковъ составляютъ вторую. Первые сохранили безъ всякихъ существенныхъ измѣненій старинную систему классическаго образованія; вторые-же даютъ должное мѣсто точнымъ наукамъ и новѣйшимъ языкамъ“. Эта новѣйшая система образованія господствуетъ въ постепенно заводимыхъ всюду реальныхъ заведеніяхъ, въ родѣ веллингтоновской коллегіи, школъ мальборогской, чельтенгемской и др. Въ дѣлѣ распространенія реального и техническаго образованія въ особенности отличаются главные промышленные центры — Манчестеръ и Ливерпуль. Ливерпульскій королевскій институтъ, основанный однимъ акціонернымъ обще-

ствомъ, представляетъ собою громадное учрежденіе, въ составъ котораго входятъ библіотека, картинная и скульптурная галле-рея, музеи естественной исторіи и технологіи, химическая лабораторія. Все это бесплатно открыто публикѣ, а знаменитые уче-ные читаютъ здѣсь популярныя лекціи, сопровождаемыя опытами. При этомъ музеѣ находится среднеучебное заведеніе открытое, но съ двумя пансіонами, которые содержатся его преподавате-лями. Образование здѣсь реально-профессіональное; воспитанники кончаютъ курсъ, снабженные знаніями, приложимыми въ про-мышленности, торговлѣ и администраціи. Подобныхъ школъ не мало въ Манчестерѣ, Лидсѣ, Лондонѣ. Всѣ городскія школы (burgh schools), которыя въ послѣднее время начали такъ сильно развиваться, имѣютъ тотъ-же реально-профессіональный харак-теръ. Онѣ предназначены для среднихъ классовъ и принимаютъ учениковъ обоюго пола. Ни одинъ изъ предметовъ ихъ обученія не обязателенъ; родители выбираютъ предметы и платятъ за каж-дый изъ нихъ особо. Это новое направленіе начинаетъ поне-многу проникать и въ старинныя школы. Даже Оксфордъ и Кембриджъ, эти главные центры традиціоннаго консерватизма, измѣнили свою рутинную программу для вступительныхъ универ-ситетскихъ экзаменовъ, включивъ въ нее физическія и есте-ственные науки, англійскую литературу, все предметы, чуждые стариннымъ школамъ. Этимъ преобразованіямъ содѣйствуетъ въ значительной степени правительство. Хотя оно и не вмѣшивается непосредственно въ школьное дѣло, но все-таки имѣетъ на него сильное вліяніе, объявляя, что для занятія многочисленныхъ должностей въ адмиралтействѣ, министерствахъ, таможняхъ, тюрьмахъ и т. д., оно требуетъ отъ кандидатовъ такихъ-то и такихъ-то познаній.

Реальное направленіе, постепенно проникающее въ англійскія среднеучебныя заведенія, не устраняетъ однакожь главнаго ихъ недостатка. Школы по прежнему продолжаютъ быть привилеги-рованными заведеніями для людей богатыхъ,—старинныя школы для аристократіи, а новыя реальныя для буржуазіи. На долю бѣдняковъ остаются одни только такъ-называемые курсы для взрослыхъ, учреждаемые ассоціаціями комерсантовъ и фабрикан-товъ. Еще въ 1868 г. въ разныхъ мѣстахъ такихъ курсовъ было 1,600. Посѣщающіе ихъ работники вносятъ незначитель-

ную плату за слушаніе лекцій. Нельзя, конечно, отвергать известной пользы, приносимой этими курсами, но никто не станет спорить, что они не могутъ дать такихъ благотворныхъ результатовъ, какъ среднеучебныя заведенія, доступныя богатому и бѣдному юношеству.

II.

Старинныя англійскіе университеты — это живые памятники глубокой старины, которая проглядываетъ въ каждой чертѣ ихъ. Оксфордъ и Кембриджъ, это не просто университеты, а города-университеты. „По обѣимъ сторонамъ улицы Оксфорда тянутся одинъ за другимъ настоящіе дворцы, угрюмые и въ то-же время великолѣпные, превосходные по плану и выполнению. Каждый изъ нихъ имѣетъ свой характеръ и свою физиономію. Фасадъ одного монотонно тянется на двѣсти футовъ стѣной, изъ тяжелыхъ, горизонтально сложенныхъ камней; это коллегія Альфреда Великаго. Другое зданіе (Christ Church), съ своими величественными башнями, съ своимъ обширнымъ квадратнымъ дворомъ, съ своимъ соборомъ VII столѣтія, съ своей столовой во 100 футовъ длины и 50 вышины, съ своими великолѣпными сводами, съ разноцвѣтными стеклами своихъ оконъ, съ королевскими гербами, съ гордостью считаетъ своими основателями Генриха VIII и кардинала Вольсея. Своею повелительною высотой оно владычествуетъ надъ всѣмъ городомъ. Надъ его главнымъ входомъ виситъ огромный оксфордскій колоколь, громкій звонъ котораго приглашаетъ студентовъ возвращаться въ свои коллегіи и возвѣщаетъ о запираніи всѣхъ воротъ. Вотъ далѣе Беллоль съ своею прекрасною новою часовнею; вотъ Экзетеръ, съ своимъ длиннымъ стрѣльчатымъ фасадомъ, производящимъ внушительный эффектъ; вотъ *Мѣдный Носъ*, съ сдѣланнымъ изъ мѣди носомъ надъ воротами; вотъ коллегія всѣхъ усопшихъ и ея уединенный дворъ съ библіотекою, высокіе контрфорсы которой походять на минареты. Далѣе, на одномъ изъ концовъ города возвышается прекрасная коллегія св. Маріи Магдалины, построенная въ XV столѣтіи. Кембриджъ, съ двумя своими единственными улицами еще болѣе достоинъ удивленія. Королевская коллегія — настоящій дворецъ короля; коллегіи

Троицы и св. Іоанна, можетъ быть, самыя великолѣпныя зданія подобнаго рода. Зданія Кембриджа, которыя больше и великолѣпнѣе оксфордскихъ, сохранились лучше послѣднихъ. Оксфордъ сокрушается рукою времени и грозитъ распасться въ прахъ; Кембриджъ-же молодъ и крѣпокъ въ своихъ вѣковыхъ сооруженіяхъ. Кембриджъ имѣетъ еще одну очаровательную особенность: большая часть его коллегій, расположенныхъ при рѣкѣ Кемъ, имѣетъ обширныя сады, или скорѣе, величественныя парки, которые спускаются къ рѣкѣ, черезъ которую переброшены восхитительныя мосты, которая окаймлена лугами и плакучими ивами, усеяна лодками и расцвѣченными яликами“ (Demogeot et Montucci).

Эти мирныя убожища науки образуютъ собою самостоятельныя государства въ государствахъ. У нихъ есть своя земля и свои древніе статуты, по которымъ они управляются совершенно самостоятельно; у нихъ свои законодательныя собранія, своя выборная власть, своя внутренняя юрисдикція и свои депутаты въ парламентъ, посредствомъ которыхъ они принимаютъ участіе въ законодательствѣ всей страны. Многіе изъ ихъ членовъ имѣютъ право быть канониками извѣстныхъ соборовъ; начальники ихъ коллегій могутъ получать церковныя приходы безъ обязанности жить въ нихъ; они имѣютъ монополію печатанія и продажи богослужебныхъ книгъ и много другихъ привилегій.

Университетъ, состоящій изъ ряда профессоровъ, служитъ центромъ коллегій, въ которыхъ живутъ студенты. Многіе изъ профессоровъ читаютъ въ годъ лишь нѣсколько лекцій; есть и такіе профессора, которые вовсе не читаютъ лекцій, а пользуются кафедрой, какъ богатой синекурою; нѣкоторые профессора получаютъ въ годъ до 40,000 руб. Что-же касается коллегій, то онѣ возникали одна за другой, начиная съ XIII вѣка, и теперь ихъ сгруппировано въ Оксфордѣ 24, а въ Кембриджѣ 17. Сначала эти коллегіи были настоящими монастырями, въ которыхъ занятіе богословіемъ и обрядовая набожность составляли главное. Потомъ постепенно вводилось преподаваніе наукъ. Въ настоящее время каждая коллегія состоитъ изъ директора (съ жалованьемъ отъ 6,300 до 19,000 р.), членовъ (отъ 1,200 до 1,900 р.), репетиторовъ-надзирателей (отъ 2,500 до 3,200 руб.); студентовъ, которые за свои успѣхи получаютъ стипендію

(около 180 р.), и студентовъ, платящихъ за свое образованіе; послѣднихъ въ коллегіи бываетъ отъ 40 до 80; всѣхъ-же студентовъ въ Оксфордѣ 1,800, а въ Кембриджѣ 2,000. Каждая оксфордская коллегія имѣетъ среднимъ числомъ около 95,000 р. ежегоднаго дохода, а магдалининская коллегія до 258,000 р.

Старинные англійскіе университеты—это какіе-то клубы аристократической молодежи. Они недоступны бѣднякамъ, и большинство адвокатовъ, медиковъ, инженеровъ вовсе не получаютъ университетскаго образованія, а знакомятся съ своею профессіей на практикѣ у какого-нибудь адвоката, медика и т. д. Въ университеты-же поступаютъ почти исключительно аристократы и только незначительное меньшинство ихъ стекается сюда дѣйствительно для ученія. Большинство-же поступаетъ сюда по издавна-укоренившемуся обычаю, по модѣ, потому что этого требуетъ аристократическій *bon ton*. Многие богачи посылаютъ сюда дѣтей своихъ единственно затѣмъ, чтобы они войдя здѣсь въ знакомство и дружбу съ важными баричами, заручились-бы ихъ протекціей на будущее время. Самые умѣренныя студенты проживаютъ здѣсь въ годъ не менѣе 1,200 р. Многие изъ этихъ молодыхъ людей имѣютъ въ годъ до 3,000 р. однихъ только карманныхъ денегъ и входятъ въ большіе долги. Ихъ квартиры убраны роскошно, они держатъ лошадей, собакъ, лодку. „Вино-торговцы Лондона“, говоритъ авторъ Тома Броуна, — „поставляютъ имъ ликеры по гиней за бутылку и вино по двѣ гиней за дюжину; сигары ихъ стоятъ двѣ гиней за фунтъ; ананасы, оранжерейные плоды, самые рѣдкіе консервы подаются за ихъ ужинами. Они даютъ другъ другу самыя утонченныя обѣды, развѣзжаютъ въ экипажахъ и сорятъ деньгами въ тавернахъ города и окрестностей. Днемъ они охотятся, играютъ въ стипль-чезъ и на билліардѣ вплоть до закрытія трактирныхъ дверей, и тогда приступаютъ къ *vingt-et-un* и къ безконечной булѣтѣ (родъ карточной игры) въ своихъ комнатахъ, сопровождая все это пуншомъ и другими горячительными напитками, пока хоть кто-нибудь изъ нихъ еще способенъ сидѣть и играть“. Эта золотая молодежь живетъ совершенно изолированно отъ небогатыхъ студентовъ и презираетъ ихъ за ихъ бѣдность. Коллегіальные порядки вполне поблажаютъ этимъ сословнымъ предразсудкамъ, и въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ студенты-аристократы обѣдаютъ

за особеннымъ столомъ, носить особую одежду и имѣютъ разныя привилегіи.

Въ настоящее время нравы студенчества нѣсколько смягчаются. Разврата между студентами почти вовсе нѣтъ и имѣть любовницу считается вообще предосудительнымъ. Пьянство уменьшается. Въ самомъ Оксфордѣ, напр., вовсе не бываетъ кутежей; кутить ѣздятъ въ окрестные города и въ Лондонъ. Послѣ девяти часовъ вечера университетская полиція обходитъ улицы и можетъ входить во все трактиры и таверны, чтобы накрыть запоздавшихъ студентовъ. Студентъ непременно обязанъ въ 8 часовъ утра быть у богослуженія въ церкви, въ 5 часовъ являться въ залу къ обѣду, утромъ присутствовать на конференціи тьютора, послѣ полудня на какой-нибудь лекціи и возвращаться въ коллегію въ девять час. вечера. За нарушеніе этихъ правилъ слѣдуютъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, выговоръ, арестъ, денежный штрафъ отъ 1 р. 60 к. до 6 р. 30 к., временное или окончательное исключеніе.

Гимнастическія упражненія и забавы, какъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ университетахъ, служатъ главнымъ занятіемъ студента, который долженъ какъ слѣдуетъ выучиться играть въ крикетъ, грести, управлять парусными лодками, обращаться съ собаками, охотиться, плавать, ѣздить верхомъ, править лошадьми на длинныхъ возжахъ, фехтовать, боксировать. Всѣмъ этимъ занимаются со страстью, въ особенности-же гонкою лодакъ. „Каждая коллегія, рассказываетъ Тэнъ, — имѣетъ свою лодку съ восемью гребцами и рулевымъ, которые избираются одинъ за другимъ и долго упражняются. Недѣль за пять или за шесть до гонки судовъ начинается всеобщее оживленіе. Проѣхать отъ двѣнадцати до двадцати миль ежедневно по рѣкѣ, обѣдать раньше, ѣсть только черствый хлѣбъ, больше мяса и пить какъ можно меньше вина, курить определенное количество табаку, пить не больше двухъ кружекъ пива въ день, не ѣсть ни пирожнаго, ни мороженаго, не ужинать поздно, ложиться рано, — вотъ образъ жизни приготовляющагося къ гонкѣ. Втеченіи первыхъ дней чувствуешь себя разбитымъ, втеченіи послѣднихъ умираешь отъ жажды; во время состязанія напряженіе такъ велико, что рискуешь порвать жилу; добравшись до цѣли, многіе чувствуютъ головокруженіе и не могутъ говорить. Весь Окс-

фордъ на лицо—и университетъ, и буржуазія: когда лодки пускаются въ ходъ, толпа бѣжитъ за ними вельдъ, крича, задыхаясь, перепрыгивая черезъ рвы, шлепая ногами въ водѣ, падала... Последняя минута та, что предшествуетъ сигнальному пушечному выстрѣлу, поистинѣ торжественна... Раздаются трубы, усиливаются рукоплесканія, въ воздухѣ колеблются вышитыя платки. Вечеромъ побѣдители пируютъ въ большой залѣ коллегіи, раздаются рѣчи, рукоплесканія, тосты, пѣсни поются хоромъ, происходитъ веселая суматоха; ясно, что подобное торжество должно заманивать почти столько-же, какъ пальма, раздававшаяся на древнихъ олимпійскихъ играхъ. Интересъ еще болѣе усиливается, когда состязаніе происходитъ на Темзѣ между лодками двухъ университетовъ; впродолженіи двухъ дней въ Лондонѣ нѣтъ другого разговора. „Гимнастическія страсти“ просвѣщенныхъ мореплавателей не имѣютъ ничего похожего на себя въ современномъ цивилизованномъ мірѣ. Студенты нерѣдко боксируютъ съ обывателями на улицѣ. Нѣкоторые джентльмены ведутъ точно такой-же образъ жизни, какъ атлеты древности; они держатся извѣстной діеты и подвергаютъ себя систематической дрессировкѣ; хорошо подготовившись, они отправляются состязаться на большія игры и гонки Англии, Австраліи, Америки, какъ нѣкогда ходили на олимпійскія игры атлеты изъ Марсели и другихъ отдаленныхъ мѣстъ.

Тѣлесныя упражненія и забавы оставляютъ очень мало времени для умственныхъ занятій; но для нихъ и не требуется много времени. Студенты остаются въ университетѣ среднимъ числомъ три года и посвящаютъ занятіямъ вообще не болѣе двухъ часовъ день. Главные предметы изученія: оба классическихкія языка и чистая математика. Весь первый годъ проходитъ въ повтореніи пройденнаго уже въ школахъ. Первые два экзамена исключительно граматическіе и лингвистическіе, два-три латинскихъ или греческихъ автора, сочиненія въ прозѣ и стихахъ, нѣсколько вопросовъ изъ библіи — вотъ предметы этихъ экзаменовъ. Третій экзаменъ обнимаетъ тѣ-же предметы, но въ болѣе пространной формѣ. По окончаніи курса студентъ можетъ держать одинъ изъ трехъ экзаменовъ—первый изъ математики, второй изъ физики и естественныхъ наукъ, третій изъ классическихкіхъ языковъ, исторіи, права и политической экономіи. Духъ

преподаванія отличается самымъ глубокимъ консерватизмомъ. Оксфордъ и Кембриджъ — центры англиканскаго правовѣрія. „Какъ школьникъ, такъ и студентъ, по словамъ Тэна, остаются хорошими протестантами; религія или, по крайней мѣрѣ, уваженіе къ ней господствуетъ. Изъ сотни молодыхъ людей, съ которыми другъ мой имѣлъ случай говорить, только двое объявили себя свободными мыслителями; семьдесятъ принадлежали къ либеральному протестантству, или *широкой церкви*, остальные къ двумъ оттѣнкамъ, *высокой церкви* и *низкой церкви*, изъ которыхъ одинъ любитъ пышные обряды, другой-же походить на кальвинизмъ“. Въ настоящее время, впрочемъ, традиціонный характеръ университетовъ понемногу измѣняется. Члены коллегій могутъ жениться, къ слушанію лекцій допускаютъ диссидентовъ и католиковъ, основываются новыя кафедры, но все-таки университеты остаются пока какою-то смѣсью аристократическаго клуба, гимнастическаго заведенія и духовной академіи. Самый методъ преподаванія носить средневѣковый характеръ. Заботятся больше о фактахъ, чѣмъ объ идеяхъ, больше о подробностяхъ, чѣмъ объ общемъ, больше о формѣ, чѣмъ о содержаніи. Учившійся въ университетѣ англичанинъ знаетъ несравненно больше такого-же француза, но общихъ идей, привычки и способности къ свободному самостоятельному мышленію у него несравненно меньше.

Оксфордъ и Кембриджъ существуютъ исключительно для правовѣрныхъ англичанъ; никто не можетъ получить въ нихъ степень магистра или доктора, не заявивъ публично о своемъ исповѣданіи 39 членовъ англиканскаго символа. Диссиденты создали свой университетъ въ Лондонѣ, болѣе сообразный съ насущными потребностями страны и съ духомъ времени. Лондонскій университетъ былъ утвержденъ королевскою хартіею 5 декабря 1837 г. и, устранивъ совершенно клерикальные принципы Оксфорда и Кембриджа, открылъ свои двери всѣмъ и каждому, не обращая никакого вниманія на ихъ вѣроисповѣданіе. Но въ одномъ отношеніи онъ удержалъ характерную черту старинныхъ англійскихъ университетовъ, только довелъ ее до крайности. Въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, какъ мы уже видѣли, университетомъ называется только корпорація профессоровъ, главная обязанность которыхъ экзаменовать кандидатовъ на университетскія степени; нѣкоторые изъ нихъ даже вовсе не читаютъ лекцій; посѣщеніе послѣднихъ

не обязательно для студенеовъ, которые обязаны учиться не въ университетѣ, а въ состоящихъ при немъ коллегіяхъ. Лондонскій университетъ пошелъ еще далѣе по этому пути; въ немъ нѣтъ никакого преподаванія, никакихъ лекцій; это не учебное заведеніе, а постоянная экзаменаціонная комиссія, состоящая изъ экзаменаторовъ по всеѣмъ отраслямъ знанія и дающая всевозможныя степени. Программы этихъ экзаменовъ очень обширны, а полученныя въ этомъ университетѣ степени цѣнятся очень высоко во всей Англій. Въ 1867 г. университетъ получилъ право возводить въ ученые степени и женщинъ по экзамену въ литературѣ, искусствахъ и наукахъ. Женщинамъ дается двѣ степени. На первую изъ нихъ экзаменъ продолжается пять дней и обнимаетъ языки латинскій, греческій, нѣмецкій, французскій, итальянскій, англійскій языкъ и литературу, исторію Англій, новѣйшую географію, математику, физику, химію, ботанику и фізіологію растений. При экзаменѣ на вторую степень къ исчисленнымъ предметамъ прибавляются еще фізіологія челоуѣка, геологія, палеонтологія, политическая экономія, логика и философія. Лондонскій университетъ даетъ вообще слѣдующія степени: бакалавра и магистра искусствъ, доктора словесности, бакалавра и доктора наукъ, бакалавра и доктора права, бакалавра и доктора медицины, бакалавра и магистра хирургіи. Кандидаты стекаются въ него со всеѣхъ сторонъ, но главнымъ образомъ ихъ готовятъ два лондонскихъ высшихъ учебныхъ заведенія, *университетская коллегія* и *королевская коллегія*. Университетская коллегія, основанная въ 1830 г. на частныя средства и совершенно независимая отъ университета, и составляетъ собственно то, что называется университетомъ у насъ. Это лучшее высшее заведеніе въ Англій, совершенно очищенное отъ клерикальныхъ и среднеуѣковыхъ элементовъ. Королевская-же коллегія, студенты которой экзаменуются большею частію въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, устроена совершенно въ старинномъ духѣ. Ея профессорами не могутъ быть ни католики, ни диссиденты, ни свободные мыслители, а ея ректоръ — непременно духовная особа англиканской церкви — обязанъ не только направлять ученіе, но и заботиться о дѣлахъ совѣсти студентовъ.

Четыре шотландскихъ университета занимаются и преподава-

ніемъ и экзаменами. Ректоры избираются посредствомъ подачи голосовъ всѣхъ студентовъ.

Высшее профессиональное образованіе, какъ мы уже говорили, до сихъ поръ остается въ Англіи дурно организованнымъ. Самая промышленная страна въ мірѣ имѣетъ чрезвычайно мало школъ, подготовляющихъ къ технической дѣятельности. Преподаваніе медицины регулировано только нѣсколько лѣтъ назадъ; давать медицинскія степени предоставлено только университетамъ и королевскимъ коллегіямъ, уполномоченнымъ на то спеціальными хартіями. Юриспруденція изучается большею частію на практикѣ и въ такъ называемыхъ *судебныхъ гостиницахъ*, *inns of court*. Въ эпоху уничтоженія ордена тамплиеровъ, юристы, покидая университеты, въ которыхъ занимались однимъ только каноническимъ правомъ, составили общество для изученія гражданскихъ законовъ и, съ разрѣшенія короля, жили въ обширныхъ зданіяхъ, принадлежавшихъ прежде рыцарямъ храма; эти-то зданія и начали называть судебными гостиницами. Желаніе учиться могутъ имѣть въ этихъ старинныхъ юридическихъ училищахъ и квартиру и столъ. Четырехлѣтняя подготовка въ этихъ заведеніяхъ въ юридической дѣятельности стоитъ самое меньшее 5,000 руб. За слушаніе общаго курса студентъ платитъ въ годъ за каждый предметъ около 28 р., а за частный курсъ или домашнія конференціи у профессоровъ еще столько-же. Юридическое образованіе, какъ въ этихъ училищахъ, такъ и вообще въ Англіи, можно охарактеризовать однимъ словомъ, назвавъ его исключительно *законовѣдческимъ*.

Таковы общія характеристическія черты англійской системы, или лучше, англійскихъ системъ образованія. Въ нихъ отражаются вся исторія страны, всѣ ея политическія и религіозныя раздѣленія, предразсудки и нравы, всѣ мечты и тенденціи господствующихъ классовъ. Но въ этомъ хаосѣ замѣтно уже стремленіе къ рациональнымъ порядкамъ, въ этихъ кучахъ вѣкового мусора развивается уже новая жизнь со всѣми ея великими стремленіями...